

Вышла в свет книга «Найти себя в себе самом... (Воспоминания о писателе Михаиле Малиновском)» / редакторы-составители С. Денисенко и А. Лейфер. Омск : Амфора, 2016.

Необычной получилась эта книга, как необычна и жизнь её героя – Михаила Петровича Малиновского. Но до биографии здесь ещё надо добраться: её канву и подробности читатель узнает чуть ли не в конце «Воспоминаний». В начале же читатель знакомится с Малиновским по канве «биографии» Омской писательской организации конца шестидесятых-восьмидесятых годов и её «действующих лиц». Омича, знающего историю местной литературы советского времени, это не затруднит. Но тому, кто об этом осведомлён меньше, придётся потерпеть.

В этом есть, однако, свои прелести, свой «детектив», когда по частям, по крупицам, «пазлами» нужно складывать портрет человека, писателя, до сих пор знакомого тебе только по его произведениям. Хотя М. Малиновскому лучше подходит другое сравнение: его видишь, представляешь уже с первых страниц, а дальше только добавляешь штрихи и краски к уже явленному образу. Нельзя назвать его иконным, безупречным, засахаренным, но и просто портретом не назовёшь: так много в нём теплоты, искренней приязни, что есть в изображении и что-то от почитания, поклонения. И поэтому даже здесь, сквозь печатный текст, а не по кадрам кинохроники, видишь этого человека. Сначала в общих чертах, контурно: «Отзывчивость, неподдельный интерес к любому человеку, искреннее отношение к окружающим, простота и демократичность, всегдашнее внимание к чужой рукописи... его насыщенная жизненным опытом биография» (А. Лейфер). Затем визуально: «Живое, смуглое лицо волевого человека» (Ю. Орлов), «худощавый, седой, интеллигентного вида пожилой человек с тросточкой, похожий на земского доктора, сельского учителя» (А. Сафронов), «в своём неизменном жёлтом пальто»

(В. Новиков), «говорил он тихо и мягко, и даже в голосе его слышался интеллект» (А. Сафронов), «негромкий, с хрипотцой... удивительно мягкий: такие голоса называют бархатными», «смех – задушевный, открытый, пронизанный необыкновенной теплотой и, казалось, немного застенчивый» (Н. Елизарова). И, наконец, видишь ауру, нимб: «Что-то трудно передаваемое словами было в этом человеке... От Малиновского исходил какой-то внешне невидимый, но ясно ощущаемый душой свет... духовная сила» (Д. Соснов). Вера в Бога, конечно, сыграла здесь свою роль. Как вспоминает Г. Кудрявская, он «дома соорудил себе иконостас» с «необходимыми иконами», «выучил тропарь к каждой иконе и, совершая утренние молитвы, общался отдельно с каждым святым».

Но было это уже в конце жизни Михаила Малиновского. И здесь скорее собственный его душевный свет обрёл церковное, религиозное измерение, чем вера в Бога зажгла этот свет. Ибо сам Малиновский если и не был святым, то шёл по этой стезе путём мирянина. Да и жизнь его была, на первый взгляд, вполне мирской, грешной, чтобы не прибегать к «иконическим» сравнениям. В том числе и жизнь омская, которой «Воспоминания» начинаются. Так, в первые годы после переезда в Омск Малиновский сближается с Леонидом Ивановым – властным, почти авторитарным «правителем» Омской писательской организации. «Создавалось впечатление, что они втроём – Иванов, Малиновский и Раиса Григорьевна (бухгалтер-секретарь) – совместно решали все писательские дела», – вспоминает Владимир Новиков. И ещё рассказывает, как спустя десять лет «недоброжелатели болтали... что Малиновский тайно копит на Л. Иванова компромат, чтобы на предстоящих выборах сместить его с должности». Михаил Петрович действительно участвовал в выборах главы писателей Омска, заслужив это право отнюдь не интригами и подсиживаниями, а нормальной обстановкой в организации в отсутствие Л. Иванова.

Однако амбиции у Малиновского тогда, скорее всего, были. И, возможно, его «уход в подполье» после проигрыша на выборах связан не столько с неудачей, сколько с этими амбициями и раскаянием в них. И уж совсем не для святого такие факты, как его уход «к другой женщине», спиртное в пору «сухого закона». Не смог он не отреагировать и на появление «письма 74-х» с его антисемитизмом.

Вопреки христианским заветам кротости и всепрощения, Малиновский подписантов письма не простил и осенью 1991 года действовал как радикальный политик, выйдя (вместе с Эдмундом Шиком) из местной писательской организации. Вскоре он принял активное участие в создании нового творческого сообщества – Омского отделения Союза российских писателей – СРП. Здесь мирское, злободневное переплеталось с подвижническим: начинать почти с нуля, с пяти членов нового Союза, со всем набором проблем финансовых, юридических, издательских и т. д. – нелегко. Но и тут сдержанный на эмоции и похвалы Александр Лейфер отзывается о Малиновском в категориях, близких мирской святости: «С самого начала этот человек был нравственным камертоном нашего творческого коллектива».

Впрочем, оставим (на время!) эту слишком уж настойчивую параллель со святыми подвижниками. Если говорить просто, то Михаил Малиновский обладал редким талантом отзывчивости, при этом его «неподдельный интерес к любому человеку» был неотделим от интереса к любой «чужой рукописи». Иными словами, «великолепный редакторский дар» Малиновского завораживал и очаровывал начинающих писателей не меньше его бархатного голоса и какой-то совсем не редакторской незлобивостью.

Поистине поразителен в этом смысле эпизод, с которого начинает свои воспоминания Александр Сафронов. Одного писателя на собрании СРП, точнее, его прозу «терзали, громили, бомбили и, вероятно, весьма справедливо». Малиновский же не просто защищал, но и «оберегал того автора», пишет мемуарист. Неудивительно, что молодые боготворили его, и львиная доля воспоминаний в книге принадлежит как раз тем, кому помог этот «безотказный Миша». Интересны эти моменты прозрения, «преображения» его учеников. Алексей Декельбаум описывает это чувство безоговорочного ученичества вдохновенно: «Он меня “подхватил” и повёл», так что потом я «мчался к нему с каждой своей новой вещью», чувствуя пробуждение «веры в себя». Сафронов описывает это как откровение вроде бы очевидной истины: «Учесть все замечания и работать дальше». Наталья Елизарова – как вроде бы элементарный совет: «Отточить стиль на небольших... произведениях». Виктор Вайнерман испытал прилив «пылкости», когда Малиновский посоветовал ввести в рассказ «что-то более сильное, захватывающее, чтобы цепляло». Такой же практический

совет – «по улучшению сюжетных связей в цикле “историй из жизни”» – дал Малиновский уже зрелому Декельбауму. И он, словно всё ещё оставался «молодым», восторженно пишет: «Глубина открылась головокружительная».

Трудно избежать соблазна вновь вернуться к религиозным параллелям и сравнениям, прибегнув к евангельскому образу Учителя и его апостолов. Опасность невольной и неуместной иронии предостерегает нас от этого. Но далее будет видно, насколько трудно всё-таки избежать таких запретных уподоблений. Тем более что воспоминания близких по возрасту Малиновскому В. Новикова и особенно А. Лейфера от подобных вольностей отрезвляют. Их воспоминания построены на документах – письмах, переносящих в начало 1970-х, когда Малиновский успевал писать свою прозу, консультировать и обсуждать молодёжь, ездить по городам и сёлам в поисках новых тем, материалов и, конечно, новых друзей. Письма пестрят именами: с одних «хоть сразу пиши “плотницкие рассказы”», другие, колхозные старожилы, станут героями газетных очерков, третьи связаны с его литделами, как, например, Юлий Мостков, редактор первой книги М. Малиновского, или подогревают «литзлость», азарт полемики, как Вячеслав Шугаев, «отругавший» его повесть «До поры, до времени». Ранний (1970-х годов) Малиновский подвержен смене настроений: обуздав было своё раздражение, он всё-таки затем не сдержался и написал своему обидчику ответ. Жаль, что редакторы-составители «Воспоминаний» С. Денисенко и А. Лейфер его не опубликовали. Но, судя по словам Малиновского в письме, – «испортил мне настроение», «выбил из колеи» – его должно было возмутить уже то, что критика эта опубликована в «Литературной газете» под рубрикой «Литература и литературщина».

Вставив повесть Малиновского в обзор как иллюстрацию изначально заданной мысли о «стандартизации», «бездумном копировании» в угоду «литературной моде», Шугаев вряд ли читал предшествующие произведения Малиновского. Если бы читал, то вряд ли написал бы об «ощущении... регистрационной созерцательности», перечисления фактов «с какой-то заунывной, болезненной кропотливостью» и «хватит канючить», не назвал бы автора «соглядатаем праздным». Но больше всего Малиновского могло уколоть равнодушное замечание Шугаева о том, что «видимо, болезнь героя повести»,

«пенсионера по инвалидности», усугубляет его протокольный, созерцательный взгляд на жизнь. Да, герои и персонажи произведений М. Малиновского, действительно, «больны», только болит у них беспокойная совесть, душа. И, в первую очередь, не за себя, а за других – родных, близких, знакомых, случайно встреченных. При этом ни Зоя из рассказа «Шаги», ни Федора Семёновна из «Виктории – ягоды садовой», ни Иван Петрович из «Часов Павла Буре» не показывают своих чувств, не дают разыграться эмоциям. Они переносят всё это в самой текущей жизни, не прекращая будничных дел, в миру и на миру. И чем больше этого «мира» в произведениях Малиновского, тем больше сдержанности, внутренней боли, возвышающей человека над мелким, случайным. Зоя, узнав трагичную историю сына бабы Нели, теперь прислушивается к шагам людей на улице, словно к их душам, – как баба Неля, ждавшая весточки от сына, «по звукам шагов научилась угадывать настроение и даже характер человека». Так, Федора Семёновна радуется и беспокоится не только за мужа, сына, его жену и внука, но за всех – близких и дальних, ибо «своей добротой к людям она делает их самих добрее, а они с другими людьми поделятся». Такую цепную реакцию добра «включает» и Иван Петрович, для которого встреча племянника из армии начинается с разговора с «подружкой» на базаре, а заканчивается часами Павла Буре, напоминающими не только о войне и её трофеях, но и о том, что главное – «интересоваться, как люди живут». И тогда добро вернётся, преодолевая зло и разобщённость, как часы вернулись на родину из рук «немецкого офицера».

Повесть «До поры, до времени» подключена к «цепи» этих рассказов (а есть ещё такие же добрые, как «Ночь такая летняя», «Ой ты, Галю...», «Карусель», «Квартирант», «Память») по тому же принципу цепной реакции доброты, как происходящее в этих рассказах. Только в ней так людно, так «семейно», столько здесь разветвлений на дедушек-бабушек, детей-внуков, дядей-тётей, на соседей по улице и тех, кто в «удалённом доступе» других городов и весей, что читателю, даже такому опытному, как В. Шугаев, действительно трудно разобраться. Вот и герой повести Ананий живёт на улице Северной, где «сходились разные жизненные дороги: кто по ним поднимался в гору, кто передвигался с места на место, а кто и под гору скатывался», чувствуя себя такой же точкой пересечения. Тем человеком,

которому, как Федоре Семёновне, никто не безразличен, каждый нужен и необходим в этой «корневой системе» людей пригородной улицы, где каждый по-своему родной и поэтому достоин лучшей участи. Включая Варьку-алкоголичку и воровку, которая «живёт легко, потому что ни о чём не думает», и её антипода – отца Анания, который живёт трудно: прошёл войну, работал в колхозе, построил дом и семью и теперь живёт в предлагаемых обстоятельствах.

Наверное, Михаил Малиновский взвалил на себя в этой повести слишком тяжёлую ношу: слишком многих людей и их судьбы, слишком «проблемную» улицу захотел изобразить – этот «промежуточный этап для людей, которые «оторвались от деревни... и не пристали к городу». В них самих-то не всё устоялось, они сами «промежуточные», как отец героя, как эта улица. Самый подходящий жанр для таких людей – очерк, и на серию очерков, особенно в главе о депутате Ивасенко – «Ивасике», эта повесть и похожа. Кстати, очерки в те годы Малиновский писал в немалом количестве, о чём мы также узнаем из «Воспоминаний». Собственно, всё, что касается главного героя повести, – по большому счёту, есть «очерк» писателя о себе, о своей судьбе. Тут и деревенские корни, и учёба, и работа в областной молодёжной газете, когда он «мотался по колхозам с великим удовольствием», и женитьба, и переезд в Заполярье, и работа электриком, сделавшая его инвалидом. Описание этого рокового момента в жизни Анания, а значит, и самого Малиновского – своего рода шедевр, где, словно голосом из бездны, он рассказывает о том, как ему удалось сохранить зрение после взрыва котла и всё-таки остаться по эту сторону жизни и реальности, и он, пусть не сразу, смог «реагировать на свет», закурить первую папироску в своей новой жизни. А до этого «ноги, руки, голова, язык и губы стали ватными, слова и мысли стали ватными. Не хотелось двигаться, говорить, думать. Упасть бы на вату, уснуть бы...».

Минуло несколько лет – и Малиновский оказался не на томской улице Северной, а в Омске, и началась его новая жизнь, состоялось второе рождение, уже как писателя. То, что было до этого, преобразилось в литературные произведения, стало сюжетами, образами, героями его рассказов и повестей, замешанных на боли человеческой, сначала уязвляющей, а затем врачующей душу боли, которая не озлобляет, а источает добро, разнося его по свету.

В «Воспоминаниях» есть литературно-критические статьи о прозе М. П. Малиновского. И хотя входят они в приложение «По страницам газет, журналов, альманахов», но являются словно бы продолжением воспоминаний о писателе. Ибо рассказы и повести Малиновского не придуманы, а биографичны, их события «пропущены через художественное сознание писателя, весь чрезвычайно пёстрый материал повести пронизан глубоко личным его отношением». Так писал омский критик Э. Г. Шик в статье «Удивительное – рядом» о повести «До поры, до времени». Но можно ли отрицать, что эти слова справедливы и для других произведений писателя? Да и сама статья Шика, друга и соратника Малиновского по слову и духу, а затем и по СРП, хоть внешне и суховата, изнутри проникнута «глубоко личным отношением» к автору повести. Не случайно в ней столь заметно слово «тепло» («тёплая задушевность», «тёплое отношение автора к своим героям», «авторским теплом освещается каждый эпизод»). Это слово того же ряда и смысла, что и «добро» – главное для творчества Малиновского. Почувствовать этого не мог лишь чересчур холодный В. Шугаев.

Дарил тепло и доброту Малиновский и в своих предисловиях к произведениям других писателей. Все они, будь то проза или поэзия, посвящены близким Малиновскому темам: родной природе (Николай Разумов), «зову родных мест» (Анатолий Бывалин), «напевам родной земли» («большереченские авторы»), «деревне – родине нашей и кормилице» (Иван Токарев). В эпоху «перестройки» стали востребованы иные жанры – публицистические, а вместе с ними и иной слог, иной голос, иные человеческие качества. Казалось бы, в публицистике Малиновского мы видим его совсем другим, чем в прозе. Ибо нет у него ни тепла, ни доброты к тем, кто разжигает костры из книг Ахматовой, Булгакова, Гумилёва и других «запретных» писателей, к тем, кто сделал из писательской организации «свою вотчину», и к тому строю, который создал ГУЛАГ, согнал всех писателей в один Союз, наплодил «серую» литературу, сделал людей рабами.

«Малиновский ли это?» – спросит несведущий читатель. Почему он так изменился, сменил жанры, занялся общественной деятельностью? Можно всё объяснить влиянием писателя Александра Плетнёва, приехавшего в Омск в начале 1980-х и сыгравшего в судьбе Малиновского немалую роль: защитил его от ложного обвинения в связях

с «забугорными» издателями и намерении опубликовать свои произведения на Западе, как пишет А. Лейфер. Можно вспомнить и Виктора Астафьева, по словам М. Малиновского, ему «очень дорогого», «честного писателя», в конце восьмидесятых «сменившего вехи» и выступавшего уже с позиций «демократов». Отзвуки именно астафьевского голоса и стиля, беспощадного к советскому прошлому, слышатся в «Обывательских записках», глава из которых представлена в «Воспоминаниях». Здесь есть и «окопная правда» войны из устных рассказов отца, и послевоенная нищая жизнь, и партocrats с их чиновничьим барством, озабоченные только укреплением своей безграничной власти. В отличие от Астафьева, Малиновский судит обо всём этом с точки зрения обывателя новой формации – осознавшего своё рабство, освобождённого из плена ортодоксальной идеологии. В обывателе, по М. Малиновскому, главное – «обеспечить свою жизнь», «и если он хорошо живёт – с ним же и людям рядом легче живётся», а значит, и всей стране.

«Обывать – это значит обживать». Но только ли в старом, обывательско-мещанском смысле? Представить себе Малиновского элементарным «кулаком»-накопителем невозможно. Ведь даже такая «обывательская» по названию повесть, как «Старые вещи», – это не гимн «вещизму», как говорили в семидесятые-восьмидесятые годы критики и публицисты, бичевавшие бездумное, маниакальное «коллекционирование» одежды, мебели, бытовой техники, книг, икон и т. д. Это материализованная боль героя повести Степана о неустроенности жизни, ибо стол, шкаф, кушетку он смастерил в трудные моменты своей биографии, совпавшие с очередным увольнением с работы. Так что вещи здесь – не вещи, а память. Ею обладает, например, «неказистая кушетка»: «проявив её, как плёнку», можно увидеть «грудку разрозненных, с маху нарубленных мыслей», – читаем в повести. Это мысли Степана, в которые писатель сумел проникнуть так глубоко, что повесть можно назвать психологической или «социально-психологической», как тогда писали. «Через духовный мир, через зрение самого героя он сумел показать и большой мир, и дыхание целой эпохи со всеми её сложными противоречиями», – замечает Надежда Тендитник в статье «Человек и мир», помещённой в книге. Э. Шик в своей статье дополняет и уточняет: придя в «Старых вещах» «к более сложной манере повествования, нежели в рассказах», автор сумел

«тщательно исследовать интеллектуально-нравственные (курсив мой. – В. Я.) качества рабочего человека». То есть «секреты мастерства», о которых пишет Шик, – это ещё и результат освоения классики русской и зарубежной, обильного и плодотворного чтения.

А также владения иностранным языком – английским. До 96-й страницы «Воспоминаний» никак того не ожидавший несведущий читатель вдруг узнаёт, что в домашней библиотеке Михаила Петровича было немало книг на английском языке: «произведения многих английских и американских писателей Малиновский читал в подлиннике» и «переводил литературные тексты блестяще», – сообщает Игорь Егоров. И только в исповедальном интервью с Галиной Кудрявской Малиновский рассказал, наконец, всё по порядку, начиная с учёбы в начале 1950-х в Военном институте иностранных языков в течение четырех лет. А ещё в интервью с Евгением Назаренко он уверенно утверждал: «И сейчас после двух дней общения с иностранцами легко заговорю по-английски». Всякий ли обыватель мог бы о себе такое сказать? Так что употребление Малиновским этого слова, имевшего до этого устойчиво негативную окраску, надо называть авторским, или «переведённым» с «русско-советского», по давней его переводческой привычке к работе со словом. Не зря был так потрясён Виктор Вайнерман, директор Омского литмузея им. Ф. М. Достоевского и инициатор-организатор цикла «Беседы о слове», тем, как говорил М. Малиновский о слове. «Он как будто брал слово на ладонь, взвешивал его, осматривал и, решив, как с ним поступить, или укладывал в текст, или бережно (бережно!) откладывал в сторону. Так он поступал с каждым (!) словом», – пишет Вайнерман в воспоминаниях «Короткие встречи на всю жизнь». И эти слова тоже в пользу того, что «обывательство» Малиновского зиждется на весьма богатой почве культуры.

В уже упомянутом интервью с Назаренко под характерным названием «Культура – это гумус общества» замыкается цепочка понятий, значимых для М. Малиновского: «обыватель – гумус – культура». Они оказываются близкими, если не тождественными. «Все мы (т. е. писатели) по мере сил обязаны духовно уваживать жизнь культуры, создавать некую ауру, благоприятные условия для роста новых талантов... Чем больше писателей талантливых, тем вероятнее возможность появления гениальных творцов», – говорит Малиновский.

Но можно и нужно эту цепочку синонимов-тождеств дополнить ещё одним: деятель, он же борец. Если человек действительно культурен и духовен, то его духовность «не подчиняется никаким общественным законам, а живёт по законам природы», – цитирует далее Малиновский мысль Николая Бердяева, которая «стала для него опорой». Так что «диссидентство» М. Малиновского и его единомышленников по будущему Омскому отделению СРП уже не должно удивлять. Собственно, и составители «Воспоминаний» не зря ведь поставили интервью о культуре сразу после «горячего» материала – статьи Малиновского о книжном костре, где он прямо назвал тех, кто духовности и свободе в Омске препятствовал: Леонид Иванов и Валерий Мурзаков, т. е. бывший и следующий за ним руководители «традиционной» писательской организации.

Невольно вспомнишь тут раннюю пору Малиновского-прозаика начала 1970-х, когда Л. Иванов, а не Н. Бердяев был для него опорой. По воспоминаниям Владимира Чешегорова «Иртыш впадает в Чёрное море», Малиновский сказал ему, начинающему очеркисту: «Я тебе советую: за Иванова держись. Иванов – руководитель писательской организации, его имя авторитетно в издательствах и редакциях толстых журналов, и его поддержка, его рекомендация для тебя сейчас очень важны». Не так ли думал Малиновский о себе самом, прибыв в Омск с литературными планами и надеждами? И вряд ли книги и публикации в журналах и издательствах, столичных и сибирских, состоялись бы без покровительства и участия Л. Иванова. Не всегда же он был «литературным генералом» и гонителем таких строптивцев, как Пётр Ребрин. Говорили ведь в Омске, что он «человек добрый (если этот «кто-то» близок ему по взглядам, духу), а для кого-то сложный, трудный». И далее упомянувший об этом в своих воспоминаниях «Эпизоды встреч» В. Новиков говорит: «К Малиновскому он вначале относился по-доброму, по-отечески». Видимо, и тот отвечал Иванову адекватно.

Случайно ли было совпадение названий их произведений под одинаковым заголовком: «Доверие» – у Л. Иванова был такой очерк о делах омских аграриев, а у М. Малиновского рассказ о, казалось бы, будничных делах, связанных с реализацией готовой продукции. Очерк держится на боевитости секретаря по сельскому хозяйству обкома Павлова, который не боится ни учёных из сельхозинститута,

ни высоких начальников из Москвы, отстаивая право на свободные сроки сева. «Больше доверия людям, работающим на земле!» – говорит Павлов, и в эту незатейливую мысль укладываются и другие известные очерки Л. Иванова – «Сибирские встречи», «Глубокая борозда» и др. Произведение М. Малиновского сложнее. В повести «Доверие» сталкиваются амбиции и характеры сразу трёх своеобразных людей: исполнительской («трудолюбива-кузнецик»), но и ершистой экспедиторши Нади, её «наречённого» Сергея, который «себе на уме», и шофёра-балагура Вани Зуева, оказавшегося вдруг заботливым сыном своей парализованной матери. В дальнейшем рассказ был переименован и стал называться «Реализация». Видимо, пропало доверие у Малиновского к Иванову, особенно после истории с литературным праздником «Омская зима», когда его, истинного вдохновителя и организатора, постепенно, по словам Александра Лейфера, «от непосредственного проведения» «Омской зимы» «отодвинули».

В 1990-е именно он, А. Лейфер, председатель Омского отделения СРП, станет в какой-то степени новой опорой для М. Малиновского. Об этом свидетельствует уже другой творческий документ из «Приложения» – их совместная статья «Омск: мы должны научиться свободе...». Опубликованная в журнале «Знамя» под «региональной» рубрикой статья продолжала серию журнальных публикаций, рассказывавших о литературной жизни разных российских регионов. По сути, статья Лейфера и Малиновского – это отчёт о проделанной работе, которой они могли по праву гордиться: был создан альманах «Складчина», где печатались лучшие омские писатели разных поколений. Среди них и Алиса Поникаровская, попавшая в список номинантов престижного Букера. Кстати, её короткий (в две странички) «мемуар» не похож на другие. Это лирический этюд, почти стихотворение в прозе о том, как она побывала на даче Малиновского, ела его знаменитую «викторию», пила холодную водку с молоком и «обрела всё, что подарил» ей радушный хозяин дачи, «всю его Вселенную», от нежности и любви до «гордыни и покорности» и, конечно, тепла – сути жизни и творчества М. Малиновского. Поэтому без стихов – ответного душевного тепла знавших и любивших писателя – «Воспоминания» не могли обойтись. Е. Кордзахия, А. Лизунов, В. Каплун, В. Шелленберг, В. Макаров, С. Поварцов, Д. Соснов и их стихи – не просто «паузы» между прозой «Воспоминаний». Это

душа самого героя книги, отразившаяся в тех, кого он одарил своими теплом и добротой, кому давал уроки литературного мастерства. И потому они, поэты, каждый по-разному, верят, что их Учитель теперь в раю, и «комментарии здесь излишни» (Д. Соснов).

* * *

Для тех, кто хотел бы итога более весомого, чем лирика души, составители книги приберегли к финалу интервью М. Малиновского с Г. Кудрявской с красноречивым названием: «Давай наговоримся про запас...». Несмотря на «функцию» итога, интервью великолепно своей откровенностью и могло бы стоять в любом месте сборника. Если бы оно стояло в его начале, то облегчило бы чтение тем, кто знает биографию Малиновского понаслышке и любит чтение в стиле «ЖЗЛ». А здесь сам герой книги рассказывает о себе, начиная со своих корней, а они у него довольно разветвлённые, есть даже и «капелька итальянской крови», кроме украинской и польской. Новосибирцам важно было увидеть благодарность знаменитому в Сибири критику Николаю Яновскому, подбодрившему Михаила Малиновского: «У тебя есть на чём держаться в жизни, ты можешь быть писателем». Сам Яновский «держался» на своей «зэковской» и фронтовой молодости, литературно-критической зрелости, отдав двадцать лет журналу «Сибирские огни», и на возвращении из забвения полузапретных сибирских писателей, репрессированных в 1930-е годы. Партократы добились его увольнения из журнала, но тем крепче стала дружба с теми, кто был на его стороне. Главным из них был В. Астафьев, которого в этом же интервью М. Малиновский называет «честным писателем», «из моих современников мне очень дорогим»: «Больше всего ценю глубину, честность и своеобразность».

Но вот информация для размышления: Н. Яновский, который в 1982 году написал о В. Астафьеве книгу, в 1983-м выступил внутренним рецензентом омской книги М. Малиновского «Старые вещи», а в 1984-м – автором предисловия к книге избранных очерков Л. Иванова «Глубокая борозда», вызвавшего недовольство чиновников тем, что в нём подчёркивались «острокритические суждения» писателя о «господствовавшей тогда практике сибирского земледелия». Правда, было это ещё в пятидесятые-шестидесятые, в «оттепельные» времена. Этими первыми очерками, вдохновлёнными «Районными буднями»

В. Овечкина, Л. Иванов и останется в литературе. И наверняка «Сибирские встречи», «Глубокая борозда» и «Доверие» тоже есть в том «основании», о котором говорит в контексте развития литературы М. Малиновский: «Чем шире основание, тем вершина может быть выше». В общем-то, это синоним, другая метафора гумуса, той культурной почвы, о которой он размышлял ранее.

А сам Михаил Малиновский останется в литературе и войдёт в это «основание», может быть, прежде всего рассказом «Мир по дороге». У этого рассказа своя «фронтальная» биография: в 1964 году его одобрил сам Константин Симонов, затем рассказ уже был взят журналом «Знамя», но не напечатан: закончилась «оттепель». Из первой книги Малиновского рассказ был изъят «по указанию обкома партии», а из второй книги – без всяких объяснений, хотя и был до того напечатан в журнале «Наш современник», правда, после радикальной редактур. Не пустили «Мир...» и в другие книги писателя, пока не настала «перестройка». Тогда рассказ удостоился отдельного издания. Всего-то тридцать с небольшим страниц, а сколько повоевать пришлось. И всё из-за темы ГУЛАГа и репрессий. Вернее, репрессированных: от героя рассказа Артёма Ивановича все отворачиваются, как только узнают, что он не фронтовик, потерявший обе ноги на войне, а недавний зэк. Тем не менее ему надо добраться до родной деревни, встретить невенчаную жену и сына. И вот уже героями рассказа становятся встреченные им колхозники, точнее, колхозницы с похоронками от мужей, полуголодные, пашущие на коровах, без надежд на будущее. И кажутся они все одинаковыми, ибо в их глазах «ожидание и скорбь».

Так рождается единый образ послевоенной деревни, истощённой и обессиленной войной и репрессиями. И вместе с ней ещё более впечатляющий образ общей беды: «Добрые и злые, каратели и страдатели – все в одной куче», – думает Артём Иванович, и нет в нём обиды на сельчан, исчезает она после этих дорожных встреч. Потому и «мир по дороге», что словно растворяется герой рассказа в людях и среди людей, в их насущных делах и заботах, столь ему близких. Потому и нет здесь «публицистики», пафоса: был донос и были доносчики, был лагерь и есть клеймо лагерника, есть страх и есть боль у людей, но нет у М. Малиновского желания это акцентировать, произносить страстные монологи, давать волю эмоциям.

Хотя Артёму Ивановичу должно быть обидно, как сыну Ивана Коммунара – председателя деревенской коммуны, да и сам Артём тогда пострадал от кулацкой пули. Нам, знающим первые рассказы писателя, эта тема жизни человека в миру и на миру уже знакома. Теперь ясно её происхождение – из «норильского» рассказа «Мир по дороге», когда Малиновский ещё жил в «городе зэков» и производственная травма на комбинате побудила его заняться литературой. Да и время было «оттепельное», «шестидесятническое»: Александр Солженицын и «Иван Денисович», Михаил Шолохов и «Судьба человека», а может, и знал молодой писатель уже тогда эмигранта Ивана Шмелёва – уж очень близка по интонации «Миру...» его «Солнце мёртвых» или «Про одну старуху».

В Омске проза Михаила Малиновского перешла на мирные «рельсы» бытовых рассказов и повестей. Но закваска осталась, и читатель должен бы о ней знать. Поэтому, быть может, и надо было «Мир по дороге» включить в «Воспоминания», найти этому рассказу почётное место как истоку творчества и общественной деятельности писателя, как «воспоминание о будущем». Зато в первом же воспоминании книги, на первых же её страницах звучит аппетитный хруст капусты из «вставного рассказа» В. Новикова о том, как приехавшая в деревню группа писателей вдруг начала, пользуясь гостеприимством отца рассказчика, дружно поедать его квашеную капусту. И когда «третья посуда стала пустой, Михаил Петрович сказал: “Всё, ребята, имейте совесть!”». Может быть, этот легкомысленный капустный хруст надо было уравновесить хрустом культей Артёма Ивановича в его протезах, чтобы «Имейте совесть» зазвучало и в иной тональности – императива духовности. Чтобы «капустные» 1970-е уравновесились «СРПвскими» 1990-ми с точки зрения не только публицистики, но и прозы, опубликованной впервые в начале 1991 года.

* * *

Но, наверное, слишком уж много хотим мы от этой книги, вполне как будто бы традиционной в ряду других коллективно-мемуарных. И слишком много требуем от Михаила Малиновского, для которого позволили себе «иконические» параллели. Значит, книга того стоит, если не получается написать о ней коротко. Значит,

«магия» Михаила Малиновского, превращавшего начинающего прозаика и поэта в полноценного, подействовала и на того, кто о нём здесь пишет. И заключается она в том свете, тепле и добре, продолжающих воздействовать и «бесконтактно», посредством печатных строк, и контактно, целым альбомом его разнообразных фотографий, помещённых посередине книги. Это облучение светлого человека сейчас, в пору разного рода агрессии в литературе и культуре, может только врачевать. Именно такое впечатление и остаётся от книги «Воспоминаний».

